

Н.Н. Прокофьева

Жизнь и творчество А.Н. Островского

Александр Николаевич Островский родился в Москве, в районе Замоскворечья 12 апреля 1823. В «Записках замоскворецкого жителя», воссоздавая яркий колорит этого островка патриархальной купеческой культуры, писатель отмечал:

«Страна эта, по официальным известиям, лежит прямо против Кремля, по ту сторону Москвы-реки, отчего, вероятно, и называется Замоскворечье... до сих пор известно было только положение и имя этой страны; что же касается до обитателей ее, то есть образ жизни их, язык, нравы, обычаи, степень образованности, — все это было покрыто мраком неизвестности».

Современники драматурга называли его «Колумбом Замоскворечья». Однако сам этот «замоскворецкий мир» воспринимался Островским двойственно. С одной стороны, патриархальный, старинный уклад взрастил его, дал ему жизненную мудрость, основательность, придал яркие краски его жизни. С другой — худшее, что было в этом укладе, — замкнутость мира, отчуждение домов и семейств, деспотизм и грубость, драматург принять не мог. Все это впоследствии стало предметом изображения в его пьесах. Островский напишет в пьесе «Тяжелые дни»:

«А живу в той стороне, где дни разделяются на легкие и тяжелые; где люди уверены, что земля стоит на трех рыбах, и что, по последним известиям, кажется, одна начинает шевелиться: значит плохо дело; где заболевают от дурного глаза, а лечатся симпатиями; где есть свои астрономы, которые наблюдают за кометами и рассматривают двух человек на луне; где своя политика, и тоже получают депеши, но только все больше из белой Арапии и стран к ней прилежащих».

Мир Замоскворечья в воображении Островского ассоциировался не только с жизнью Москвы, но и с жизнью всей России.

«У него был типичный московский облик, но не совсем заурядный — в нем сразу чувствовался большой человек. Широкий лоб, умные глаза, приветливость составляли основные черты этого облика», — вспоминал художник А. Головин.

Практически все предки Островского (прадеды, деды, дядя) были церковно-служителями. Николая Федоровича, отца будущего писателя, также готовили к этому поприщу. Он закончил Костромскую духовную семинарию, а затем Московскую духовную академию, но от дальнейшей церковной службы отказался. Служил он в судебном ведомстве, пользовался авторитетом как квалифицированный частный адвокат, защищавший интересы многих московских купцов. В дворянской родословной Островских имя Николая Федоровича стоит первым: именно он в 1851 получил дворянство. Мать драматурга — Любовь Ивановна, дочь московской просвирни, умерла, когда Островскому не было и девяти лет. Обстановка, в которой жил и воспитывался Островский, способствовала его знакомству с нравами, образом жизни, культурой купечества и мещанства.

Клиенты и посетители отца (по воспоминаниям Н. Берга, «в его доме с утра до ночи толклись купцы, решая разные свои вопросы»), соседи семьи Островских в Монетчиках, на Житной улице были в основном купцы и мещане. Именно в этой среде у Островского было много близких друзей — все это в дальнейшем не могло не сказаться и на творческом интересе драматурга к этому своеобразному, но еще не описанному литературой миру «третьего сословия».

В 1835 Островский поступил в Московскую губернскую гимназию, в которой «весьма рано ознакомился с русской литературой и почувствовал склонность к авторству». Интерес к литературе пробуждала и богатая библиотека отца. Важным событием в жизни юного Островского стало появление в доме мачехи, баронессы Эмилии Андреевны фон Тессин. Вместе с ней в дом Островских вошли новые вкусы и привычки, особое внимание стало уделяться обучению детей музыке, языкам, воспитанию светских манер.

После окончания гимназии в 1840 Островский поступил на юридический факультет Московского университета, где проучился три года: увлечение театром, литературным творчеством помешало продолжить учение.

Однако по настоянию отца в 1843 Островский все же сделался писцом в Совестном суде, основанном еще при Екатерине Великой. Само название показывает, что разрешались там дела по совести; это были уголовные преступления, гражданские иски по жалобам детей на родителей и родителей на детей. По воспоминаниям современника, П. Невежина, «будущий драматург имел возможность вблизи увидеть всякого рода умственные и нравственные отбросы человечества. Там опекуны, вносящие определенную лепту столоначальникам и высшим чинам, часто до последней нитки обирали опекаемых. Туда же стекались и обобранные, ища защиты и уходившие без удовлетворения. Один жаргон, на котором велись там разговоры, был для Островского тем истинным кладезем, из которого он черпал потом свои дивные народные афоризмы и словечки».

В 1845 Островский был переведен в Коммерческий суд, где разбирались в основном дела о торговой несостоятельности, «злостные банкротства». Здесь писатель прослужил до 1851 и хорошо узнал темные стороны деловой жизни купечества, коммерческие хитрости, уловки и обман, банкротства и т. д. П. Невежин вспоминал, что «Островский сам нередко зло подшучивал над собой: «Не будь я в такой передрыге, пожалуй, не написал бы “Доходного места”»».

Литературная деятельность Островского началась в 1847 с публикации в «Московском городском листке» рассказов и очерков под общим названием «Записки замоскворецкого жителя», здесь же появился и драматический отрывок «Картины московской жизни» («Несостоятельный должник» и «Картина семейного счастья»). «Картина семейного счастья» переросла затем в пьесу «Банкрот», а затем — в «Свои люди — сочтемся!». Однако самый ранний литературный опыт Островского относится к 1843 — это «Сказание о том, как квартальный надзиратель пустился в пляс, или От великого до смешного только один шаг». Первые литературные публикации были прозаическими — незаконченная повесть «Не сошлись характерами» (1846), очерки и рассказы «Биография Яши», «Замоскворечье в праздник» и «Кузьма Самсоныч» (не позднее 1846—1847). Самым значительным прозаическим произведением Островского принято считать «Записки замоскворецкого жителя», в которых представлен своеобразный уклад жизни Замоскворечья, колоритные образы жителей этого уголка Москвы. Герои этого произведения были предшественниками комедийных персонажей Островского, проблемы и конфликты, которые были намечены в «Записках», позднее в полной мере получили развитие в пьесах драматурга.

Знакомство с Малым театром, его репертуаром, личная дружба со многими из актеров способствовали тому, что Островский оставил занятия прозой и начал писать пьесы.

В 1846 он работает над пьесой «Свои люди — сочтемся!». Эту пьесу читали во многих московских домах, в московских литературных и театральных кружках, в том числе и в доме профессора словесности Московского университета С. Шевырева, у М. Погодина, в доме актера Малого театра Прова Садовского, который сам отлично разыгрывал ее для своих гостей. Именно тогда с пьесой познакомился и Н. Гоголь. Позже, прослушав ее вторично, Гоголь сказал:

«...При несомненном и большом таланте автора проглядывается неопытность, юность в технике дела... Пишет как талант-самородок, сплеча, не оглядываясь. И руководствуясь только вдохновением. А это не годится и невозможно. Техника — другое вдохновение; вдохновение тогда, когда нет вдохновения!.. но — талант, решительный талант!»

Высоко была оценена пьеса и известным романистом А. Писемским, который отметил:

«Ваш “Банкрот” — купеческое “Горе от ума” или, точнее сказать: купеческие “Мертвые души”».

Островский был вдохновлен такой поддержкой и позднее вспоминал:

«С этого дня я стал считать себя русским писателем и уже без сомнений и колебаний поверил в свое призвание».

«Несостоятельный должник» – «Банкрот» – «Свои люди — сочтемся!». Такие варианты названия предлагал Островский для своей пьесы.

«Само последовательное изменение названия уже первой пьесы выразило это движение в глубь народного сознания, желание стать на точку зрения народного принципа и прямо закрепить его в народной формуле — пословице.

Здесь принцип предстал нарушенным и извращенным, а сама пословица комически вывернутой, но принцип сохраняется, держится в уме и своем прямом значении»,

– пишет в статье «Создатель народного театра (Островский)» Н. Скатов. Закономерно, что многие свои пьесы Островский называл пословицами, в которых выражалась вековая народная мудрость, например: «Не в свои сани не садись», «Старый друг лучше новых двух», «На всякого мудреца довольно простоты», «Не все коту масленица» и др.

Пьеса «Свои люди — сочтемся!» была напечатана в журнале «Москвитянин», но по цензурному запрету на сцене поставлена не была.

В 1840-е Александр Николаевич увлекся простой мещанской девицей Агафьей Ивановной и в 1849 ввел ее в дом на правах жены. Отец писателя противился этому союзу, что в конце концов привело к разрыву с сыном, и материальное положение Островского долгие годы оставалось крайне тяжелым. «Все мы начинали бедняками», – скажет он впоследствии. Большая семья (у Островского родилось четверо детей), бедность, тяжелый труд составляют содержание жизни драматурга в 1850-е. Несмотря на разницу в воспитании, образовании, Агафья Ивановна внесла в жизнь писателя уют и упорядоченность. Ее «искусному хлопотливому уряду обязана была семейная обстановка нашего знаменитого драматурга тем, что при ограниченных материальных средствах, в простоте жизни было довольство быта. Все, что было в печи, становилось на стол с шутивными приветами, ласковыми приговорами», – вспоминал писатель С. Максимов.

Островский внимательно прислушивался к замечаниям Агафьи Ивановны. Она, по словам Максимова, хорошо понимала «и московскую купеческую жизнь в ее частностях, чем, несомненно, во многом послужила своему избраннику. Он сам не только не чуждался ее мнений и отзывов, но охотно шел к ним навстречу, прислушливо советовался и многое исправлял после того, как написанное прочитывал в ее присутствии и когда она сама успевала выслушать разноречивые мнения разнообразных ценителей. Большую долю участия и влияния приписывают ей вероятные слухи при создании комедии «Свои люди — сочтемся!», по крайней мере относительно фабулы и ее внешней обстановки».

Однако впоследствии Островскому пришлось пережить страшные испытания: все дети, рожденные в этом браке, умерли, а в 1867 умерла и сама Агафья Ивановна. Младший брат, духовно близкий драматургу, Михаил Николаевич Островский, узнав о смерти спутницы Островского, писал:

«От всего сердца сочувствую я твоему горю и вместе с тобой оплакиваю твою утрату. Утрата твоя незаменима, и утешать тебя в эту минуту неуместно».

В 1850-е в доме Островского начали складываться многие хорошие традиции. Одной из них стало публичное чтение автором собственных пьес. Вначале такие вечера проходили в тесном дружеском кругу, но постепенно число приглашенных росло. Чтения эти начались в 1846 со сцен из комедии «Свои люди — сочтемся!». Слушатели собирались, как правило, по субботам, когда не было спектаклей в театрах. Однако среди гостей были не только артисты. Племянник знаменитого поэта, в то время еще гимназист, А.Ф. Некрасов вспоминал об одном из таких вечеров:

«Нам, молодым, разрешалось сидеть в кабинете, где происходило чтение, но с условием не разговаривать, не смеяться и не мешать. Мы честно выдерживали условие, хотя в смешных местах давились от смеха, и тишина была полная. Но вот приоткрывалась дверь в столовую, где шли приготовления к ужину, и к нам врывается громкая цыганская песня “Запрягу я тройку борзых”... Виновницей оказывалась жена Александра Николаевича, живая и веселая Мария Васильевна (вторая жена Островского), страстная

любительница пения. Александр Николаевич тихо подходил к двери и укоризненным, но добрым голосом говорил: «Машенька, нельзя ли потише». Пение умолкало, но через некоторое время возобновлялось, хотя и не так громко».

В 1850-е Островский сближается с «молодой редакцией» «Москвитянина», исповедовавшей славянофильские воззрения. Журнал издавал М. Погодин, который приглашал к сотрудничеству талантливую молодежь. Близкими по духу Островскому были в это время поэт и критик Аполлон Григорьев, писатели А. Писемский и П. Мельников-Печерский, писатель, актер, рассказчик И. Горбунов, исполнитель народных песен Т. Филиппов, поэт Л. Мей, критик Б. Алмазов, артист П. Садовский, скульптор Рамазанов и другие. Тонкое понимание народной поэзии, песни, народного искусства, любовь к русской старине объединили самых разнообразных по взглядам, социальной принадлежности, занятиям людей. Одним из ярких представителей этого кружка был Третий Филиппов, имевший большое влияние на Островского. Он был хорошо известен не столько своими журнальными статьями, сколько удивительным исполнением русских народных песен. По словам М. Погодина, «песня была главной силой постепенно слагавшегося, вырабатывавшего и выяснявшего основное мировоззрение кружка». В ней преломлялись и бытовые особенности, и историческая судьба, и духовный склад русского народа. Не случайно так много песен звучит в пьесах Островского. Именно Филиппов пробуждал у своих слушателей желание поближе сойтись с представителями народа, постигнуть их психологию и мирозерцание. Потребность в знакомствах с простыми людьми удовлетворялась посещениями знаменитого трактира Турина, в котором собирались студенты, писатели, торговцы, просто любители веселой беседы. Среди посетителей этого заведения особо выделялся ильинский торговец Шанин, остроумец и редкостный рассказчик, открывавший своим собеседникам тайны и плутни гостинодворских купцов, от которых особенно страдали приезжие. Несомненно, что Островский весьма много позаимствовал у этого оригинального человека. Ему он обязан, в частности, типом опустившегося купеческого брата, изображенного в комедии «Бедность не порок», в лице Любима Торцова. Горячий интерес к народной жизни, устному народному творчеству, народной поэзии Островский пронесет через всю свою жизнь.

1850-е годы — время большого творческого подъема драматурга. Именно в эти годы увидели свет «Бедная невеста», «Не в свои сани не садись», «Бедность не порок», «Не так живи, как хочется», «В чужом пиру похмелье».

Комедия «Бедная невеста» (1851) была второй значительной пьесой Островского. Он отказался в ней от сатирического тона, столь характерного для писателей натуральной школы, проявил сочувствие к героям, наделив, в частности, главную героиню, Марию Андреевну Незабудкину, стремлением перевоспитать невежественного взяточника Беневоленского. Писемский, сравнивая пьесу с предыдущей, отмечал: «...Комизм ее тоньше, задушевнее — выведенные лица до того живы, что мне снятся во сне. Ох, как бы я сыграл каждого, все мне по душе. Последнее действие написано шекспировской кистью».

Сатирические образы купцов-самодуров Пузатовых, Большовых сменились в новых пьесах Островского положительными образами купцов Русаковых, Бородкиных и других. В них воплотились такие черты русского человека, как широта характера, добросердечность, душевность. «Русаков — тип старого русского семьянина, — писал Островский об одном из героев пьесы «Не в свои сани не садись». — Человек добрый, но строгой нравственности, очень религиозный. Семейное счастье почитает высшим благом; любит дочь и знает ее добрую душу». Конечно же, драматург был далек от мысли идеализировать жизнь, но своими положительными героями стремился показать в комедиях торжество исконных патриархальных начал над новыми бездушными буржуазными, выдвигал на первый план доброе в характере русского человека. В 1853 в письме к М. Погодину Островский писал:

«...Пусть лучше русский человек радуется, видя себя на сцене, чем тоскует. Исправители найдутся и без нас. Чтобы иметь право исправлять народ, не обижая его, надо ему показать, что знаешь за ним

хорошее; этим-то я теперь и занимаюсь, соединяя высокое с комическим. Первым образцом были “Сани”, второй оканчиваю».

(Вторая пьеса, о которой упоминает драматург, — «Бедность не порок».) Пьесы эти были встречены публикой по-разному: одни понимали и одобряли их (К. Аксаков, Ап. Григорьев, А. Хомяков и др.), другие не хотели видеть в этих произведениях правды.

К 1855 Островский написал девять пьес, и только четыре из них давались на сцене, но, по словам его друга и почитателя, критика Аполлона Григорьева, «эти четыре, без церемонии говоря, создали народный театр».

Пьеса «Бедность не порок» была поставлена первый раз 25 января 1854. Роль Любима исполнял сам Пр. Садовский.

«Ну, Пров Михайлович, такости мне, московскому 1-й гильдии купцу, Ивану Васильевичу, уважение сделал... Как вышел ты, я так и ахнул!.. Слово бы это я! Борода только у тебя покорооче была... Ну, все как есть! Это, говорю, на меня критика. Вот наемни в московском трактире я полового Гаврилу отгаскал — две красненьких отдал... Сижу в ложе-то, да кругом озираюсь: не смотрят ли, — думаю, на меня, ей-богу!»

— с такими словами, по воспоминаниям И. Горбунова, обратился к первому исполнителю роли Любима Торцова один из московских купцов.

Комедия Островского и игра Садовского утверждали новое понимание правды на сцене. Образ Любима Торцова был встречен неоднозначно. И. Горбунов в связи с этим вспоминал:

«Шире дорогу — Любим Торцов идет! — воскликнул по окончании пьесы сидевший с нами учитель русской словесности, надевая пальто.

— Что вы этим хотите сказать? — спросил студент. — Я не вижу в Любиме Торцове идеала. Пьянство — не идеал.

— Я правду вижу! — ответил резко учитель, — да-с, правду.

Шире дорогу. Правда по сцене идет. Любим Торцов — правда! Это конец сценическим пейзажам, конец Кукольникову: воплощенная правда вступила на сцену».

Аполлон Григорьев посвятил этой пьесе Островского стихотворение:

Поэта образы живые
 Высокий комик в плоть облек...
 Вот отчего теперь впервые
 Во всем бежит единый ток:
 Вот отчего театра зала,
 От верха до низу, одним
 Душевым, искренним, родным
 Восторгом вся затрепетала.
 Любим Торцов пред ней живой
 Стоит с поднятой головой,
 Бурнус напялив обветшалый,
 С растрепанною бородой,
 Несчастный, пьяный, исхудалый,
 Но с русской, чистою душой.

Любим Торцов, много переживший и передумавший, становится проповедником морали труда и защитником «честной бедности». В пословице «Бедность не порок» содержался нравственный итог пьесы, при этом мораль Любима Торцова оказалась связанной с народной моралью. С этого времени простой человек-демократ — студент, учитель, артист, приказчик, механик-самоучка — становится защитником справедливости и носителем нравственности в пьесах Островского.

С приходом Островского в Малый театр изменился сам характер театра. На сцене появились простые люди в поддевках, смазных сапогах, ситцевых платках. Актеры старшего поколения (П. Мочалов, М. Щепкин, С. Шумский) так и не смогли принять и оценить эти нововведения. Шумский категорически заявлял: «Вывести на сцену актера в поддевке да в смазных сапогах — не значит сказать новое слово». А любимец Петербургской публики, актер А. Максимов, во время представления комедии «Не в свои сани не садись» зажимал нос с гримасой и говорил: «Сермягой пахнет». С пьес Островского

начинается новый этап развития русского театра, утверждавшего принципы реалистической национально-самобытной драматургии. Перед зрителем должна быть не пьеса, «а жизнь, чтоб была полная иллюзия, чтоб он забыл, что он в театре» — вот правило, которому следовал драматург. Высокое и низкое, комическое и драматическое, повседневное и необычное реалистически сочеталось в его пьесах.

В 1856 Островский написал необычайно злободневную социально-аналитическую пьесу «Доходное место». В это время в обществе остро обсуждался вопрос о российской государственной системе, появилось множество художественных и публицистических произведений на эту тему. Самыми значительными из них стали «Губернские очерки» Салтыкова-Щедрина и «Доходное место» Островского.

Многими гранями пьеса Островского напоминает комедию Гоголя «Ревизор». Злоупотребление властью, карьеризм, взяточничество чиновников в равной мере волнуют и Гоголя и Островского; сходны и финалы пьес, в которых чиновники наказаны за свои злоупотребления. Цензор «Доходного места» И. Нордстрем в рапорте III отделению точно передавал содержание произведения:

«Василий Николаевич Жадов, образованный и благородный молодой человек, служит под начальством дяди своего, Аристарха Владимировича Вышневецкого, человека, твердо придерживающегося известной рутины взяточников. Жадов, по чувству нравственности, не может принять советов своего дяди: служить, как он и все ему подобные; Жадов твердо решается бороться с направлением своих сослуживцев, подчиненных Вышневецкому. Но трудность борьбы этой и, более того, еще борьбы с бедностью убивает все его семейные радости и надежды и наконец угрозы пламенно им любимой молодой жены его — оставить его и возвратиться к матери, где она пользовалась большим довольствием. Все это вынуждает его просить у дяди доходного места. Но в это время в ведомстве Вышневецкого открылись злоупотребления и недочеты сумм и он отдан под суд. Жадов, не зная об этом, приходит к нему и просит место, “где бы мог приобрести что-нибудь”. При этом Вышневецкий начинает упрекать его в неуместной гордости и вместе с тем высказывает свое торжество над его падением. Это побеждает в Жадове сознание своей слабости, и он уходит с непоколебимым решением: безропотно переносить всякого рода бедствия, как бы ужасны они ни были. В противоположность Жадову выставлен Белогубов, человек ограниченный во всех отношениях, даже безграмотный, но подобострастный и угодливый с начальниками. Следуя их направлению, он получает место столоначальника, наживается взятками и содержит семейство свое не только в довольстве, но и в роскоши. Автор имел целью изобразить безнравственность и невежество известного класса взяточников, справедливо возбуждающих благородное негодование к этому пороку».

Несмотря на положительную оценку комедии цензором, в самый день премьеры спектакль был запрещен. Тем не менее текст комедии был все-таки опубликован в первом номере журнала «Русская беседа» за 1857.

«Островский показал корпорацию чиновников, для которых административные злоупотребления являются материальной базой существования. Господствующее положение бюрократии как силы, осуществляющей правительственную политику и представляющей государственную власть, оказывает влияние на жизнь каждого гражданина, развращает, губит или ставит перед необходимостью борьбы каждую творческую личность — вот что показывает Островский в “Доходном месте”. Слабость героя, на судьбе которого раскрывалась эта общественная закономерность, его колебания и незрелость приближали его к зрителю» (Л.М. Лотман).

«Доходное место» было встречено современниками с большим воодушевлением. Пьесой восхищался Л. Толстой, написавший:

«Это огромная вещь по глубине, силе верности современного значения и по безукоризненному лицу Юсова».

К 1857 относится начало сотрудничества Островского с журналом «Современник». Частые поездки из Москвы в Петербург для продвижения постановки своих пьес на сцене Александринского театра привели Островского в новый литературный круг — салон И. Панаева. Здесь он познакомился с Л. Толстым, И. Тургеневым, Ф. Достоевским, Н. Некрасовым, Д. Григоровичем, Н. Добролюбовым и другими литераторами, вошел в число авторов журнала «Современник», который в то время редактировал Некрасов. Долгие годы он сотрудничал с ним, а после закрытия в 1866 почти все свои пьесы публиковал в ставшем его преемником журнале «Отечественные записки», который редакци-

ровал Некрасов, а затем Салтыков-Щедрин, Г. Елисеев и Н. Михайловский. В «Современнике» были напечатаны пьесы «Праздничный сон до обеда» (1857), «Не сошлись характерами» (1858), «Старый друг лучше новых двух» (1860), «Козьма Захарьич Минин-Сухорук» (1862), «Тяжелые дни» (1863), «Шутники» (1864), «Воевода» (1865), «На бойком месте» (1865).

В 1856 один из либеральных государственных деятелей того времени, великий князь Константин Николаевич, желая подробнее познакомиться с внутренним состоянием России, вопреки установившейся традиции обратился за содействием не к чиновникам, а к литераторам и этнографам. По просьбе великого князя была организована так называемая литературная экспедиция, участники которой должны были обследовать различные местности России в бытовом и промышленном отношении. Островский дал согласие на участие в Этнографической экспедиции Морского министерства и отправился изучать быт, условия жизни, культуры, рыболовного промысла поволжских городов от верховья Волги до Нижнего Новгорода. Членам экспедиции предписывалось «обратить особенное внимание на жилища обитателей, их промыслы, с показанием обстоятельств, благоприятствующих и мешающих развитию оных: суда и разные судоходные орудия и средства, ими употребляемые, означая их названия и представляя, если возможно, их изображения на рисунке; физический их вид и состояние, преимущественно их нравы, обычаи, привычки и все особенности, резко отличающие их от прочих обитателей той же страны как в нравственном, так и в промышленном отношении, а равно и в речи, поговорках, поверьях и тому подобное».

В состав экспедиции вошли многие видные писатели — Л. Мей, С. Максимов, А. Писемский и другие. Островскому достался для исследования верхний плес реки. Поездка по Волге дала такой богатый материал, что Островский задумал написать цикл пьес под общим названием «Ночи на Волге». В него должны были войти исторические хроники и произведения, изображающие современную жизнь. С этим замыслом были связаны такие пьесы, как «Гроза», «Козьма Захарьич Минин-Сухорук», «Воевода» и другие. Главной идеей цикла должна была стать идея преемственности в жизни и культуре русского народа, но эти планы остались нереализованными.

Тогда же Островский начал работать над Волжским словарем, который позднее перерос в Словарь русского народного языка. После смерти драматурга его словарные изыскания были переданы в Академию наук и частично использованы в академическом словаре русского языка, вышедшем с 1891 под редакцией Я. Грота.

В 1857–1862 создается трилогия о Мише Бальзаминове, которая включает следующие пьесы: «Праздничный сон — до обеда» (1857), «Свои собаки грызутся — чужая не приставай» (1861), «Женитьба Бальзаминова» (1862). В этих комедиях Островский использовал принципы водевильного жанра, а в самой фигуре Бальзаминова просматриваются черты как «простаков» и неудачников из водевильной драматургии, так и черты Хлестакова из комедии Гоголя. Действие пьес происходит в Замоскворечье, в них разыгрываются причудливые истории сватовства героя, в которых принимают участие рассудительная мамаша Бальзаминова, кухарка Матрена и сваха Красавина. Каждое похождение героя заканчивается тем, что его оскорбляют и прогоняют из дома очередной невесты, но в конце концов Бальзаминов, как и мечтал, находит себе состоятельную невесту. «Бальзаминовский цикл» напоминает сказочные истории. Например, сваха все время сравнивает Мишу со сказочными героями: то он выступает в качестве кавалера, полонившего королевишну, то в качестве стрелка, подстрелившего белую лебедушку. Образ Бальзаминова вырастает из русских народных пословиц и поговорок, которые щедро рассыпаны в речи Матрены, свахи, матушки. Мечты и неудачи Бальзаминова можно описать пословицей «Видит собака молоко, да рыло коротко», а сбывшуюся мечту — «Не было ни гроша, да вдруг алтын», а вся история жизни Миши Бальзаминова свидетельствует, что «дуракам счастье».

Критик А. Дружинин, давая оценку произведениям Островского, писал:

«Драматическая муза щедро одарила нашего автора. Она дала ему не только тот высокий дар смеха, от которого бледнеет порок и на душе честного человека становится ясно, но и другой, не столько поэтический, но почти столько же редкий дар смеха резвого и беззаботно веселого. Этот последний дар, может быть, не признанный и не ценимый самим обладателем, для нас всего яснее высказывается в пьеске “Праздничный сон до обеда”. Названная пьеска — настоящая русская шутка, в высшем и самом милом смысле этого слова, так опозоренная нашими водевилистами. Г. Островский может на нас гневаться, но мы скажем ему откровенно, мы не видим в названных сценах никакой печальной подкладки, никакого перехода к грустной стороне действительности — всякая тень грусти за тысячу верст от “Праздничного сна”, когда Миша Бальзаминов перебранивается с кухаркой Матреной по поводу уха, завитого горячими щипцами вместо волос, когда Устиновна допрашивает его “предмет” о том, как в нем зародилась любовь, когда Капочка боится, увидя Бальзаминова, лишиться чувств и что-нибудь сделать... когда купчина Неуеденов располагается без кафтана в доме невесты и начинает колоть камнем орехи, когда Ничкину, раскисшую от жары, девушки упрекают в тиранстве и уговаривают уйти на погребницу, — я хохочу чистейшим веселым смехом, как школьник между резвых товарищей, и знать не хочу ни о какой горестной подкладке жизни. Смешно и неблагоразумно было бы требовать от писателя, подобного г. Островскому, малейших уклонений от глубоко поэтического творчества в пользу веселой шутливости, но если ему вздумается, в промежутках между возвышенными помыслами, дарить нам десятки драматических сцен, таких же резвых, таких же неотразимо веселых, не мы упрекнем его за это, и не бедный наш русский театр скажет ему слово осуждения».

Островским замечена характернейшая черта героев из купеческой или мещанской среды — тяга к иностранным, литературным словам и неумение ими пользоваться, они подслушаны у дворян, у интеллигенции, но в искаженном виде. Липочка Большова из пьесы «Свои люди — сочтемся!» произносила «капидон» вместо «купидон»; Подхалюзин говорит: «Напрасно вы такой сюжет обо мне имеете» («Свои люди — сочтемся!»); Гордей Торцов («Бедность не порок») щеголяет словами «фициант», «небель» и др.

В «Женитьбе Бальзаминова» Островский создал настолько типичные характеры, что современники узнавали литературных героев в жизни. Достоевский в письме к Островскому отмечал:

«Вы требуете моего мнения совершенно искреннего и бесцеремонного. Одно могу отвечать: прелесть. Уголок Москвы, на который вы взглянули, передан так типично, что будто сам сидел и разговаривал с Белотеловой. Вообще Белотелова, девицы, сваха, маменька и, наконец, сам герой — это до того живо и действительно, до того целая картина, что теперь, кажется, она у меня вовек не потускнеет в уме... Разумеется, я вашу комедию прочту еще пять раз. Но из всех ваших свях Красавина должна занять первое место. Я ее видел тысячу раз, я с ней был знаком, она ходила к нам в дом, когда я жил в Москве, лет десяти от роду, я ее помню...»

Одним из значительных произведений Островского конца 1850-х следует считать драму «Гроза». В 1859 пьеса была поставлена на сцене. И сразу же в печати появились иронические отзывы о том, что драма задумана поистине с шекспировским размахом, и отмечалась несовместимость с высоким искусством среды «непросвещенного» простонародья. В частности, П. Анненков писал, что народный мир — инертная масса, в которой не может быть трагических характеров. Похожую мысль высказывает один из героев романа Н. Лескова «Некуда»: «В таком быту народа у него нет своей драмы, да и быть не может: у него есть уголовные дела, но уж никак не драма». Однако большинство современников поняли высокий смысл пьесы, высоко оценил ее и Н. Лесков, прежде всего потому, что пьеса свидетельствовала о наличии в русской народной жизни истинных трагедий, драматических конфликтов. Через несколько лет (1865) под влиянием «Грозы» Лесков напишет повесть «Леди Макбет Мценского уезда». Как и Катерина Кабанова, героиня Лескова, Катерина Измайлова выходит замуж «не по любви или по какому влечению», «а так, потому что Измайлов к ней присватался, а она была девушка бедная, и перебирать женихами ей не приходилось». Катерина Измайлова, как и Катерина Кабанова, обладает от природы пылким характером, томится пустотой и скукой в доме свекра, обе тоскуют по настоящей любви и материнству, обе ощущают себя чужими в новой семье. Но в отличие от героини Островского, Катерина Измайлова несет в себе все те пороки и темные стороны, которые присущи столь ненавистному ей миру. Если Катерину Островского можно было назвать «лучом света в темном царстве», то о Катери-

не Измайловой верно было замечено, что «она не луч солнца, падающий в темноту, а молния, порожденная самим мраком и лишь ярче подчеркивающая непроглядную темень купеческого быта».

Пьеса Островского была удостоена Уваровской премии как лучшее произведение искусства и литературы.

В 1859 увидело свет первое собрание сочинений Островского в двух томах. Этот факт стал поводом для Добролюбова дать разбор творчества драматурга и написать статью «Темное царство».

История постановок многих пьес Островского была драматичной, они часто запрещались цензурой, требовавшей их доработок и переработок. В 1861 была запрещена пьеса «За чем пойдешь, то и найдешь», а в 1862 — «Козьма Захарьич Минин-Сухорук». Устав от бесконечной борьбы за свои произведения, Островский решает прекратить работать для театра. В письме к другу актеру Бурдину он прямо заявляет:

«Современных пьес я больше писать не буду; я уже давно занимаюсь русской историей и хочу посвятить себя исключительно ей, буду писать хроники, но не для сцены».

С 1862 по 1869 появляются исторические пьесы — «Козьма Захарьич Минин-Сухорук», комедия «Воевода, или Сон на Волге» (1864), хроники «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский», «Тушино» (1867), драма «Василиса Мелентьева» (1868). Признавая воспитательную роль театра, Островский особо подчеркивал значение именно исторической тематики:

«Бытовой репертуар, если художественен, т.е. если правдив, — великое дело для новой восприимчивой публики: он покажет, что есть хорошего, доброго в русском человеке, что он должен в себе беречь и воспитывать и что есть в нем дикого и грубого, с чем он должен бороться. Еще сильнее действуют на свежую публику исторические драмы и хроники. Они развивают народное самосознание и воспитывают сознательную любовь к отечеству».

В пьесах на историческую тему Островский продолжил традиции «Бориса Годунова» Пушкина.

Сюжеты для своих произведений Островский черпал из русской истории XVI и XVII веков. Особенно интересовало его Смутное время — исторический период в жизни нашей родины, богатый драматическими событиями и лицами. В «Василисе Мелентьевой» драматург изображает один из эпизодов личной жизни Иоанна Грозного. Он рисует безудержный нрав царя, не желавшего подчиниться ни божеским, ни человеческим законам. Смута нравственная, с точки зрения писателя, является предшественницей и корнем смуты политической, ставшей предметом авторского исследования в «Дмитрии Самозванце...» и «Тушине». В первой пьесе воспроизводится история краткого правления Дмитрия Самозванца, оставшегося, несмотря на свои благие намерения, внутренне чуждым русскому народу, чуждым по причине своих западнических симпатий. В «Тушине» изображено всеобщее шатание, воцарившееся на Руси после смерти царевича Дмитрия. Значительная часть русских служилых людей, подобно герою пьесы Редрикову, забывает о своем общественном и государственном долге и видит цель жизни в удовлетворении личных стремлений. Минин-Сухорук, главное действующее лицо одноименной исторической драмы, представлен автором как воплощение начала общинного, земского, которому и суждено избавить измученную Русь от Смуты. В историко-бытовой пьесе «Воевода» мы находим широкую картину общественной жизни из эпохи первых Романовых: Русь вышла победительницей из борьбы с внешними врагами, но внутренние неурядицы не прекратились — корыстные и развратные воеводы притесняют народ. События пьесы «Комик XVII столетия» относят нас к последним годам царствования Алексея Михайловича, когда уже предчувствуют петровские преобразования: при содействии немецкого пастора либеральный боярин Матвеев организует «комедийное действо», а Кочетовым, воспитанным на Домострое, волей-неволей приходится склоняться перед силой нового порядка вещей.

В 1865 Островский вместе с композитором Н. Рубинштейном, драматургом и переводчиком К. Тарковским и писателем В. Одоевским добились разрешения организовать в Москве Артистический кружок. Официальное открытие состоялось 14 ноября 1865.

«Одна из причин, побудивших меня принять участие в основании Артистического собрания, была следующая: нужно поднять нравственный и умственный уровень наших артистов. Не имея возможности сходить с людьми более образованными, они собираются в замкнутые кружки и под влиянием немецкого элемента становятся более цеховыми, нежели артистами», —

отмечал Островский. Он видел, что многие актеры ведут беспорядочную жизнь, связаны с кружками «праздной, богатой, неразвитой и не совсем нравственной молодежи, которая ищет артистов для того, чтобы разнообразить свои шумные удовольствия, и меценатство которой выражается только обильными трактирными угощениями... Так погибли лучшие наши драматические таланты...»

Артистический кружок, в который вошли образованные люди разных профессий, в первый же год своего существования дал 86 музыкально-литературных вечеров, было исполнено 232 пьесы, прочитано 31 литературное произведение. Здесь свои произведения читали Островский, А. Писемский, А. Фет, А. Майков, И. Горбунов и другие писатели. В 1868 при кружке образовался хороший любительский оркестр, а затем и любительский хор, была создана первоклассная библиотека, велась большая просветительская работа: отмечались крупные литературные и музыкальные юбилеи (например, Крылова, Грибоедова, Гоголя, Бетховена). Члены Артистического кружка устраивали танцы, веселые маскарады, костюмированные балы. Кружок плодотворно работал до 1883. Отмечая значение этого профессионального объединения, Островский писал:

«Говорят, что мы, русские люди, равнодушны к общественным делам и неспособны к инициативе, что мы умеем только рассуждать, а не дело делать. Это едва ли справедливо. Когда надо было помочь духовно голодающей публике, — за это дело взялась не спекуляция, а интеллигенция, и взялась горячо. Главные заботы по устройству спектаклей и распоряжение ими совершенно безвозмездно взяли на себя артисты, художники, литераторы и учителя-педагоги».

В 1867 произошло важное для семьи Островских событие. Драматург вместе с братом Михаилом выкупил у мачехи имение Щельково. О Щелькове в судьбе Островского следует сказать особо. Как невозможно представить жизнь и творчество Пушкина без Михайловского, Л. Толстого без Ясной Поляны, Тургенева без Спасского-Лутовинова, так жизнь Островского неотделима от имения Щельково, расположенного недалеко от Костромы и Кинешмы. В 1848 Островский впервые приехал на эту землю и был поражен ее красотой. С этого времени каждый год он приезжал сюда в качестве гостя вначале отца, а затем мачехи, а с 1867 усадьба стала собственностью братьев.

Наибольшее впечатление еще при первом приезде произвел на Островского дом, в котором драматургу пришлось прожить много лет и умереть. В частности, он писал:

«Дом удивительно хорош как снаружи оригинальностью архитектуры, так и внутренним удобством помещения... Дом стоит на высокой горе, которая справа и слева изрыта такими восхитительными оврагами, покрытыми кудрявыми сосенками и липами, что никак не выдумаешь ничего подобного».

Как вспоминал частый гость в имении Островских К. Загорский, «в своей усадьбе Александр Николаевич ходил в русском костюме: в рубашке навыпуск, шароварах, длинных сапогах, серой коротенькой поддевке и шляпе с широкими полями».

Ежегодно, начиная с весны и до поздней осени, по четыре-пять месяцев, драматург вместе с семьей и многочисленными друзьями жил в Щелькове. Эти места вдохновили Островского на создание «Снегурочки»: «Святой ключик», деревня Субботино и прилегающий к ней луг были описаны в весенней сказке. В Щелькове были написаны самые значительные пьесы Островского. Среди них: «На всякого мудреца довольно простоты», «Не было ни гроша, да вдруг алтын», «Горячее сердце», «Сердце не камень», «Лес», «Бесприданница», «Таланты и поклонники», «Без вины виноватые» и многие другие.

Любимым занятием семьи Островских и их гостей были поездки за грибами, дальние пешие прогулки, рыбная ловля, верховая езда. Дочь драматурга, М. Шателен, вспоминала:

«Бывало, папа, очень любивший грибные походы, соберется с нами в Грибовник. На телегу накладывалось несколько пустых бельевых корзин, да у нас у всех по корзинке. Часа через три после приезда в лес наши бельевые корзинки оказывались полными, и мы двигались в обратный путь, а придя домой, папа, довольный и оживленный, окруженный нами, гордо докладывал маме (Марии Васильевне) о количестве собранных грибов».

Кроме того, Александр Николаевич был страстный рыболов. С. Максимов, писатель и друг Островского, отмечал, что «даже лески Александр Николаевич сам плел из конских волос и насаживал крючки. Уженье для него было и удовольствием, и искусством». В письме к незадачливому рыбаку Бурдину Островский просит:

«Опиши мне подробно местность, реку и какая рыба в ней, тогда я сообщу тебе несколько советов. Мне нужно знать: быстра вода или тиха; отлоги берега или круты; дно песчаное или иловатое; есть ли омота и перекаты, или глубина постоянная; запружена река или нет, и если запружена, то далеко ли запруда и где: вверху или внизу; цвет воды и в какую большую реку эта река впадает».

Но рыбная ловля была для Островского и прекрасным средством сосредоточиться, продумать в тишине ход новой пьесы. Петр Николаевич Островский, брат драматурга, рассказывал:

«Сию я как-то раз возле него на траве, читаю что-то — вижу, сильно хмурится мой Александр Николаевич.

— Ну что, — спрашиваю, — как пьеса?

— Да что, пьеса почти готова... да вот концы не сходятся! — отвечает он, вздыхая».

Чем слабее становилось здоровье драматурга, тем больше его тянуло в Щельково.

«У меня теперь только одна мечта: добраться как-нибудь до Кинешмы, чтобы если уж не восстановить, то хоть поддержать свежим весенним воздухом падающие силы», —

признавался Островский в письме к другу в 1875.

В конце 1860-х — начале 1870-х после ряда исторических пьес Островский вновь обращается к современности.

Так, в сатирической комедии «На всякого мудреца довольно простоты» (1868) звучит тема обличения либеральной фразеологии. В этой пьесе особенно ощутимо влияние щедринской сатиры.

Салтыков-Щедрин впоследствии и сам использовал имя главного героя, господина Глумова в своих произведениях «Пестрые письма», «В среде умеренности и аккуратности», «Современная идиллия» и др. Но Островский был принципиальный противник тенденциозной комедии, обличительного шаржа в драматургии. «Пародировав либеральные монологи, он «прокомментировал» свою пародию откровенно циническими признаниями героев (Городулина и Глумова), раскрывающими условность благородных слов и игры в либерализм и стоящую за этой условностью реальность карьеризма, «страсти к верхушкам» (выражение героя Салтыкова-Щедрина), к жизненным благам, к наживе», — пишет исследовательница Л. Лотман. Выступление Глумова перед Городулиным — блестящая пародия на речи либералов, использующих избитые выражения, типа «меньшой брат» (в отношении народа), «увеличивать количество добра, нужного для благосостояния массы» и т.п.

Пьесы «На всякого мудреца довольно простоты» (1868), «Горячее сердце» (1868), «Бешеные деньги» (1870), «Лес» (1871), «Волки и овцы» (1875) и другие можно объединить в своеобразный антидворянский цикл, в котором отразились новая пореформенная эпоха и новые принципы взаимоотношения людей. Время дворянства ушло в прошлое, но дворянские амбиции, нежелание видеть реальность настоящего, считаться с изменившимся временем характерно для многих героев-дворян Островского. Часто они заимствуют у нового времени лишь худшие черты — корысть и цинизм.

Особо выделяется в ряду сатирических антидворянских пьес Островского «Лес». В ней, как и в других пьесах («Таланты и поклонники» (1881), «Без вины виноватые» (1883), представлен мир актеров и театра. Драматург противопоставляет профессиональное искусство житейскому комедианству. Актер Несчастливцев, трагик на сцене, и в жизни ведет себя как на сцене. Никакие жизненные испытания, волнения не могут заставить этого благородного героя измениться. В пьесе ему противопоставлена помещица Гурмыжская, постоянно играющая какую-нибудь роль в жизни. Она то безутешная вдова, то добродетельная героиня и т. п. «Играешь-играешь роль, ну и заиграешься», — признается Гурмыжская.

«В чем зерно пьесы? — задавался вопросом В. Немирович-Данченко. — Как обычно у меня, я ищу его в названии. “Лес” — дебри, звериный быт, невежество... Сюда Островский приводит актера... Дебри, невежество, освещенное поэтом, — вот основная идейная линия».

Еще более драматично рисуется судьба истинных артистов, актрисы Негиной и бывшего директора театра Нарокова, известной актрисы Кручининой и молодого Незнамова в пьесах «Таланты и поклонники» и «Без вины виноватые». Близость Островского к театру дала ему не только знание мира актеров, их психологии и быта, но и натолкнула на мысль о реформе театрального искусства в России.

В 1874 состоялось учредительное собрание Общества драматических писателей, созданного при непосредственном участии Островского, который был избран его председателем. Настоятельная необходимость создания подобного общества была осознана драматургом гораздо раньше. Еще в 1863 Островский опубликовал в газете «Северная пчела» статью «Обстоятельства, препятствующие развитию драматического искусства в России». Среди главных причин, мешающих развитию русской драмы, были названы излишняя строгость цензуры, некомпетентность театрально-литературного комитета и недостаточность вознаграждения авторов. Автор, отдававший пьесу для бенефиса, лишался всякой оплаты за труд, смехотворно малыми были гонорары драматургов.

«До сих пор ни один провинциальный театр не платит авторам за пьесы ни копейки. Мало того, подвергают пьесы всевозможным искажениям, переменяют названия, разделяют на картины, и автор ничем не огражден от такого искажения его собственности. Антрепренеры почти никогда не дают себе труда поставить пьесу хорошенько и пользуются без всякой затраты только именем автора. Пьеса ставится кое-как, а антрепренер, взяв один или два полных сбора за имя автора, бросает пьесу»,

— возмущался Островский в своей статье.

С целью защитить авторское право и было создано Общество драматических писателей. П. Невежин вспоминал:

«Не могу забыть одного уморительного случая. Едва я вошел в прихожую его квартиры, как до меня донесся чей-то резкий голос, раздававшийся из кабинета Островского. Оказалось, что горячился один из антрепренеров, выражая свое неудовольствие на действие комитета. Я поздоровался с хозяином и отошел в сторону. Посетитель продолжал:

— Это насилие; на экземпляре написано: “К представлению дозволено”, кто же может мне запретить ставить пьесу? А ваш агент угрожает мне тюрьмой.

— И будете сидеть, — хладнокровно заметил Александр Николаевич.

— Нет, не буду и денег не заплачу.

— Заплатите, а нет — вещи опишут.

— Кто это будет описывать?

— Разве вы не знаете — судебный пристав.

— Вы меня страшаете так же, как и ваш секретарь. Но вы председатель и должны быть справедливым.

— При чем тут я? Мы действуем по уставу. Тут антрепренер употребил такую фразу, что Островский с достоинством заметил:

— Милостивый государь, не забывайте, где вы.

— Я помню, а все-таки платить не буду.

С этими словами огорченный антрепренер вышел. Островский обратился ко мне:

— Они меня когда-нибудь уходят. Мое сердце и то никуда не годно, а от таких историй ему несдобровать».

Собранные Обществом средства шли в помощь нуждающимся драматургам и артистам. Для увеличения фонда помощи Общество устраивало благотворительные вечера, в которых принимал участие и П. Чайковский. Однако Островский не намеревался ограничивать деятельность Общества только материальными задачами. Он мечтал об издании журнала «Драматический вестник», об открытии народного театра, об организации профессиональной библиотеки. К сожалению, эти намерения так и не осуществились.

В 1885 Островский становится заведующим репертуарной частью московских театров и начальником Театрального училища Императорских Московских театров. Еще в начале 1880-х Островский подал императору Александру III записку об основании в Москве русского народного театра. Она важна не столько своим деловым содержанием, сколько выраженными в ней воззрениями автора на великое значение театра вообще и национального театра в частности.

«Театр с честным, художественным, здоровым народным репертуаром развивает народное самопознание и воспитывает сознательную любовь к отечеству... такой театр был бы поистине наукой и для русского драматического искусства. Мы должны начинать сначала, должны начинать свою родную русскую школу, а не слепо идти за французскими образцами».

Для характеристики демократических симпатий Островского очень важно его суждение о том, для кого собственно нужен подобный театр.

«В существующих театрах нет места для той публики, для которой хотят писать и обязаны писать народные писатели. Русские авторы желают пробовать свои силы перед свежей публикой, у которой нервы не очень податливы, для которой требуется сильный драматизм, крупный комизм, горячие искренние чувства, живые и сильные характеры. Драматическая поэзия ближе к народу, чем все другие отрасли литературы; всякие другие произведения пишутся для образованных людей, а драмы и комедии для всего народа».

Содержащееся в записи ходатайство организовать в Москве народный театр на средства «образованного купечества» было удовлетворено государем, и Островский энергично приступил к осуществлению проекта. Но завершить его не удалось, так как неожиданным последствием записки было назначение драматурга на должность заведующего репертуарной частью.

«Я положу в это дело последние мои силы; мне хочется умирать спокойно, с сознанием, что я не только исполнил свой личный долг относительно призвания, т.е. не зарыл свой талант в землю, но и послужил еще обществу и государству своими знаниями, послужил, как горячий патриот».

Свое назначение Островский называл счастьем, так как получил практическую возможность провести преобразования в жизнь. Такая кипучая деятельность менее чем за год подорвала силы Островского.

До последних дней своей жизни Островский занимался также и делами Общества драматических писателей. 21 октября 1884 в связи с десятилетием Общества состоялось юбилейное собрание, на котором Александру Николаевичу как бессменному председателю была поднесена серебряная чернильница. Однако в своей благодарственной речи драматург с горечью заметил:

«От всей души благодарю вас за дорогой подарок, но боюсь, что уже исписал все чернила, которыми мне суждено было писать, и что мне придется только любоваться вашим подарком, а не пользоваться им».

28 мая 1886 тяжело больной Островский уезжает в Щельково. Переезд был крайне утомительным. Хотя Островский был смертельно болен, он не захотел изменить устоявшийся в доме порядок, и уже 31 мая принялся за работу, переводил «Антония и Клеопатру» Шекспира. 1 июня ему стало лучше, он был бодр и весел. «Мне так хорошо, – сказал он, – как давно не бывало, но даром мне это не пройдет». И действительно, это было лишь кратковременное улучшение. 2 июня Островский отправил жену Марию Васильевну в Никольскую церковь в селе Бережки отслужить молебен о здравии. Секретарь драматурга Н. Кропачев писал: «Почувствовав приближающийся конец своей жизненной драмы, он не желал, чтобы горячо любимая им жена присутствовала при этом».

“последнем акте”». В тот же день, 14 июня 1886, Островский скончался за работой в своем кабинете. 17 июня он был похоронен на сельском кладбище в селе Бережки недалеко от Щелькова.